

НАДЕЖДА МОРОЗОВА

Институт литовского языка

Сочинения старообрядцев-беспоповцев в Речи Посполитой в XVIII веке

Статья посвящена творчеству староверов-беспоповцев Речи Посполитой в XVIII в. Сведения о тех или иных сочинениях, созданных польскими федосеевцами, появлялись в научной литературе еще в XIX в., однако они до сих пор не были систематизированы. Основное внимание в работе сосредоточено на творчестве Феодосия Васильева и его сына Евстрата Феодосиева (Феодосиевича), а также на текстах деяний федосеевских соборов, проходивших в Речи Посполитой в первой половине–середине XVIII в.

Ключевые слова: староверие, Речь Посполитая, беспоповцы, федосеевские соборы, Феодосий Васильев, Евстрат Феодосиев.

В XVIII в. на территории Речи Посполитой сформировалось два крупных старообрядческих центра: Ветковский регион, населенный преимущественно староверами-поповцами, и северо-восточная часть государства, в которой было сосредоточено беспоповское федосеевское население. История староверия в странах Балтийского региона и Польши подробно описана в работах Г.В. Поташенко, А.А. Горбачкого, А.А. Подмазова, В.В. Никонова, Е. Иванца, З. Ярошевич-Переславцев и др. авторов. Здесь отметим лишь, что первые староверы на территории Речи Посполитой появились сразу же после раскола Русской Православной Церкви. Во второй половине XVII в. сторонники древлего благочестия из северо-западных регионов России (Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской губерний) устремились в соседнюю Речь Посполитую, вассалом которой тогда была Курляндия, а также в восточно-балтийские владения Швеции. В конце XVIII в. староверы поселились в Сувалкско-Сейненском регионе современной Польши. В результате непрерывающегося наплыва эмигрантов из России в течение всего XVIII в. количество русского населения в балтийском регионе резко возросло.

К концу XVIII в. только на территории современной Литвы насчитывалось не менее 17 старообрядческих общин.

XVIII в. в истории балтийского беспоповского староверия ознаменован полемикой с представителями Выговского общецерковья по вопросам о титуле Пилатовой (надписании на кресте), отношении к новоженам (т.е. вступившим в брак после перехода в старообрядчество) и браку в целом, молитве за царя и некоторым др. Полемические послания и даже целые трактаты писались как с одной, так и с другой стороны.

Настоящая статья посвящена творчеству староверов-беспоповцев на землях Речи Посполитой в XVIII в. Сведения о тех или иных сочинениях, написанных польскими федосеевцами, появлялись в научной литературе еще в XIX в., однако они до сих пор не были систематизированы. Основное внимание в данной работе сосредоточено на двух аспектах: 1) на творчестве Феодосия Васильева и его сына Евстрата Феодосиева (Феодосиевича; Васильева), 2) на текстах деяний федосеевских соборов, проходивших в Речи Посполитой в первой половине–середине XVIII в.

1. Сочинения Феодосия Васильева и Евстрата Феодосиева

Анализ письменного наследия староверов-беспоповцев Речи Посполитой невозможен без учета богословских, полемических и историко-литературных произведений, созданных основателем федосеевского толка Феодосием Васильевым и его сыном и преемником Евстратом Феодосиевым.

1.2. Творчество Феодосия Васильева

Основные сведения о жизни и деятельности первого федосеевского наставника и основателя федосеевского толка Феодосия Васильева (1656 (или 1661)–1711) известны преимущественно по Житию, написанному его сыном Евстратом Феодосиевым в 1742 г. Биография Феодосия на данный момент наиболее полно представлена в работах Г.В. Поташенко [2005а, 60–64; 2006, 367–399, 405–423 и др.], см. также статью Н.В. Понырко [2004] и др.

Религиозная и полемическая деятельность Феодосия и его последователей в Русановской обители была известна не только среди беспоповцев, но и во всем старообрядчестве. Последние десять лет его жизни были весьма плодотворны и в творческом отношении. Феодосий несколько раз встречался с Андреем Денисовым и другими выговскими наставниками, обменивался с ними полемическими посланиями. В настоящее время известно 3 сочинения Феодосия Васильева, которые относятся к польскому (русановскому?) периоду его жизни.

Первое послание на Выг было написано около 1701/1702 гг. и посвящено вопросу о браке. Оно явилось ответом на соответствующее послание Андрея Денисова, написанное в 1700 г. В рукописной традиции представлено несколько вариантов названия этого сочинения, большинство их приведено в каталоге В.Г. Дружинина [1912, 73, № 3].

Около 1705 г. Феодосий Васильев написал второе послание на Выг, в котором требовал от выговцев внести крест “с титлюю” в часовню и в 13 пунктах перечислял все “заблуждения” выговцев и их разногласия с федосеевцами в религиозных обрядах и бытовой жизни. Это сочинение известно под заглавием *О догматах и о титле*. Указанное В.Г. Дружининым как отдельное произведение *Второе письмо из Польши* [1912, 72, № 2], очевидно, является фрагментом послания *О догматах и о титле* [Понырко 2004, 146].

Тексты посланий сохранились в значительном количестве списков и опубликованы П.С. Смирновым [1908, 70–96; 1909, 017–020]. Нужно также отметить, что в какой-то период бытования послания Андрея Денисова в Польшу и ответные сочинения Феодосия Васильева оформились в единый полемический сборник. Несколько сборников такого типа обнаружены в собрании Е.В. Барсова в РГБ.

В 1707 г., видимо, также в Русаново, в ответ на книги рязанского митрополита Стефана (Яворского) *Значения пришествия антихриста и кончины века* (1703) и новгородского митрополита Иова *Ответ краткий на подметное письмо о рождении Антихриста* (использовалось по рукописи, издано в 1707 г.) Феодосий Васильев создал обширное богословско-полемическое сочинение *Обличение*. Это произведение, состоявшее из 22 вопросов и ответов, написано в форме диалога между старообрядцем и новообрядцем. На замечание новообрядца о пришествии Антихриста как “непостижимой тайне Божей” старообрядец отвечал, что изучение этого вопроса является прямой обязанностью истинных христиан. Царство же Антихриста, по мысли Феодосия, началось в Западной Европе, оттуда пришло на Восток, а с 1666 г. распространилось и в Московском государстве. Феодосий Васильев послал рукопись *Обличения* Константину Федорову, впоследствии ставшему одним из наставников в Ряпиной мызе; подробнее об этом сочинении см.: [Смирнов 1909, 163–175]. По утверждению П.С. Смирнова, учение Феодосия о духовном антихристе было воспринято его учениками “в полном виде” [там же, 174].

Трактат Феодосия Васильева сохранился во многих списках XVIII–XIX вв., что говорит о его популярности среди старообрядческого населения. Текст памятника до сих пор не опубликован.

1.2. Творчество Евстрата Феодосиева

Биографические данные о судьбе Евстрата Феодосиевича (1692–1768) известны далеко не полностью; некоторые периоды его жизни описаны только в общих чертах, см.: [Поташенко 2005а, 58–60; Романова 2004 и др.]. В данном случае нас будет интересовать лишь его религиозное литературное творчество.

Евстрат Феодосиев известен прежде всего как автор Жития Феодосия Васильева (1742) и *Исповедания веры* (1735).

Житие учителя и страдальца Феодосия, как обычно указывается в рукописях, было написано в 1742 г. В жанровом отношении оно напоминает поздние русские жития святых, однако содержит множество уникальных документальных сведений не только для биографии Феодосия Васильева, но и является важнейшим источником по истории раннего федосеевства вообще. Кроме того, это в некоторых аспектах явно апологетическое произведение было данью заслуженного уважения отцу — одному из виднейших религиозных деятелей беспоповства и отчасти раннего старообрядчества.

Житие сохранилось в значительном количестве списков XVIII–начала XX вв. в составе разных собраний¹. Впервые текст напечатан Н.И. Поповым под названием *Житие Феодосия Васильева, основателя федосеевского согласия, написанное сыном его, Евстратом, в 7250-м году* [Попов 1869, 73–92 (пятого счета)]. Однако публикация Н.И. Попова содержит значительное количество неточностей (неверных прочтений?) и некоторые пропуски по сравнению с текстами, представленными в рукописной традиции, ср. отрывки из Жития, опубликованные нами по Причудскому списку 1870-х гг. [Морозова 2009, 117–124; см.: ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 8–39]. Причудский текст во многих местах более исправен, чем опубликованный Н.И. Поповым. Интересно также, что в колофонах большинства рукописей имя автора сочинения написано тайнописью.

В.Г. Дружинин поддержал предположение Н.И. Попова о том, что Евстрат участвовал в составлении Польского устава 1751 г., и указал это сочинение в списке его произведений [Дружинин 1912, 279–280], хотя, как кажется, особых оснований к этому нет, так как ни светское, ни крестильное имя (Фаддей Дионисиевич) не засвидетельствовано ни в одном из списков Польского устава. Наоборот, рукописная традиция указывает имена протоколистов (“составителей”) Польского собора: это Клементий Иванов (см. списки: РНБ, собр. Н.Я. Колобова; РНБ, Q.I.1081) и Михайла Дмитриев (см. списки: РНБ, O.I.370; РГБ, собр. Е.Е. Егорова, № 1021; БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 701; и др.; это имя

указано и в списке подписавшихся под соборными постановлениями). Найти какие-либо другие сведения об этих лицах пока не удалось.

Второе известное сочинение Евстрата Феодосиева — это *Исповедание веры*, оглашенное на федосеевском соборе в дер. Ступелишки (Курляндия, ныне Амбельская волость Даугавпилсского края Латвии)². В этом произведении Евстрат раскаялся в своих прежних заблуждениях по поводу употребления понятий *лица* и *образы* по отношению к Святой Троице (подробнее об этой внутрифедосеевской полемике см. ниже). *Исповедание веры* сохранилось в нескольких списках, текст его стабилен. Памятник впервые опубликован Н.И. Поповым [1864, 5–10].

Несколько лет назад А.И. Мальцев обнаружил неизвестное ранее сочинение Евстрата — *Послание всем православным христианам*, написанное, видимо, в первой половине 1730-х гг. (т.е. после соборов в Окре в 1729/1730 гг., но до собора в Ступелишках в 1735 г., см. ниже) [Мальцев 2006, 84–85, 88–89, 504, № 84; см.: РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 1019, л. 5–6], в котором изложил свою позицию по разночтениям в Октоихах, а также ответил на обвинения по поводу организованной им “книжной sprawy” некоторых рукописных книг. Судя по всему, это сочинение предшествовало *Исповеданию веры* 1735 г.

А.И. Мальцев указал также на один список Письма Евстрата Феодосиева Михаилу Григорьеву от 18 июня 1757 г. [Мальцев 2006, 118–119; см.: РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1004, л. 175–175 об.]. В нем содержится ответ на 15 статей адресата, в котором Евстрат отстаивает неизменность учения первых федосеевцев о поклонении кресту с титулом ИИЦИ и о признании законности браков, заключенных до перехода в старообрядчество. Ранее это послание было известно лишь по списку сочинений Евстрата, приведенному Павлом Любопытным и впоследствии повторенному В.Г. Дружининым [см.: Дружинин 1912, 280, № 6], хотя выдержки из него неоднократно приводились в различных полемических сочинениях. Недавно в московских собраниях я обнаружила еще несколько списков данного письма.

В.Г. Дружинин во ссылке на Павла Любопытного приводит названия еще нескольких сочинений Евстрата Феодосиева [см.: Дружинин 1912, 280, № 5, 7, 8], но они до сих пор не обнаружены. Указанное в этом же списке под № 9 *Исповедание о вере и благочестии, данное им в Польше своей пастве торжественно*, является, видимо, *Исповеданием веры* на соборе в Ступелишках, хотя у Дружинина оно выписано отдельной позицией [279, № 3], — видимо, автор каталога не соотнес эти два произведения, а доверился данным Павла Любопытного [Павел (Любопытный) 1866, 106–107].

Евстрат Феодосиев не только создавал оригинальные сочинения, но и был профессиональным писцом-каллиграфом. В настоящее время известны по меньшей мере две переписанные им рукописи религиозного содержания, одна из них — РНБ, О.І.360, 1725 г. и около, 401 л. — выполнена на территории Речи Посполитой, ср.: “...збор (т.е. сборник — *Н.М.*) весь <...> написася в разныя лета в Польской державе” [л. 210 об., см.: Бычков 1893, 136–137].

Обсуждая творчество Евстрата Феодосиева, нельзя не отметить недавно обнаруженное мною некое поповское (?) сочинение *Объявление премен и новин, в Российстей церкви сущих*, приписанное, по предисловию, Евстрату Феодосиеву, ср.: “Объявление премен и новин, в Российстей церкви сущих, под солнечными зарями в лето от создания мира по седми десятилетиям и по двадесяти четьрех десятицах в пятой, а от обновления мира во плоти Бога слова по 174-х десятицах в пятой многогрешным недостойным имене своего яве написати, но сице Еовесотдроастіеивъ (т.е. Евстратий Феодосиев. — *Н.М.*) или тысяща триста един” [цитата по рукописи: РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 655]. Среди прочего, в полемических целях в книге использованы выписки из *Розыска о раскольниковской брынской вере* Дмитрия Ростовского (первое издание: Москва, 1745), *Праицицы духовной* нижегородского епископа Питирима (первое издание: Санкт-Петербург, 1721) и др. сочинений первой половины XVIII в. В РГБ в собрании Е.В. Барсова представлены два списка это сочинения. Первая рукопись — РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 655 — писана мелким полууставом и датируется третьей четвертью XVIII в. (вод. знак *вензель АГ с литерами АГ* — ср.: Laucevičius 1967, № 3445 — 1764–1766 гг.). Второй список этого сочинения состоит из двух частей (РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 755 (первая часть) и № 758 (вторая часть)), он выполнен скорописью вятским мещанином М.И. Злыгостевым в 1837 г.

Возможно, появление этого текста как-то связано с участием Евстрата в диспуте с беглопоповским “священноиереем” Матвеем Андреевым 13 марта 1722 г. в дер. Лыбовка на Псковщине [Дружинин 1908, 735–736]. В любом случае, в первой половине XVIII в. Евстрат Феодосиев являлся одним из самых уважаемых и авторитетных федосеевских наставников, и факт приписывания ему сочинения идеологических противников лишний раз это подтверждает.

2. Федосеевские соборы и их постановления

В первой половине–середине XVIII в. на территории Речи Посполитой было организовано несколько федосеевских соборов, посвященных наиболее животрепещущим проблемам жизни федосеевского общества.

До нас дошли разного рода документы, составленные преимущественно в Речи Посполитой и освещающие работу этих соборов. Некоторые из этих документов были опубликованы ранее, другие только сейчас готовятся к печати. Ниже в хронологическом порядке кратко представлены все известные на данный момент польские церковные федосеевские соборы и письменные документы, относящиеся к их организации и фиксирующие их постановления.

2.1. Собор в дер. Яблонец в 1721/1722 гг.

Первый известный федосеевский собор в Речи Посполитой был организован в 1721/1722 гг. в дер. Яблонец (совр. Себежский район Псковской области)³. Поводом к его проведению стало начатое Евстратом Феодосиевым в Ряпинской обители в 1716/1717 гг. исправление некоторых богослужебных и паралитургических текстов. Конкретно речь шла об исправлении текста Троичного канона из дониконовского издания Октоиха, а также “марании” и правке сочинений первых федосеевских учителей, рукописных Цветников и лицевого Апокалипсиса и последовавшей за этими нововведениями внутренней федосеевской полемике о “лицах и образах” Святой Троицы. Суть спора заключалась в том, что, по мнению Евстрата, определение *образ* можно употреблять только для обозначения Единого Бога, и его использование по отношению к отдельным ипостасям Божества следует расценивать как отрицание единства Троицы и признание за каждой из ипостасей особой независимой сущности. Иными словами, в дониконовском издании текста Троичного канона отрицается один из главных христианских догматов, а это уже, по мысли федосеевского наставника, арианская ересь. Исходя из этого, он начал править текст канона, заменяя синонимичное использование слов *лица* и *образы* для обозначения ипостасей Троицы на единственно возможное, с его точки зрения, слово *лица*, а тех, кто придерживался традиционного (неисправленного) текста канона, обвинял в арианстве. Одна часть федосеевских наставников приняла сторону Евстрата, другая же, во главе с Савином Михеевым, настаивала на традиционном употреблении и считала действия и доводы Евстрата “гнилым буйством и мудрованием”. Споры с различной степенью интенсивности продолжались почти 20 лет и прекратились на соборе в Ступелишках в 1735 г., видимо, не без участия Симеона Денисова, в начале 1730-х гг. написавшего специальное сочинение *Показание о речении “образ”* и доказавшего возможность синонимического употребления понятий *лица* и *образы*⁴.

Дискуссия на Яблонецком соборе была довольно острой. По свидетельству участника собора Семена Сергеева, Евстрат Феодосиев обра-

шался к участникам собора с одним и тем же вопросом: “Кто *образы и лица* заедино не говорит, будет ли еретик?” И хотя проведенный блиц-опрос показал, что часть наставников дала положительный ответ (т.е. “будет еретик”), на соборе было достигнуто примирение враждующих сторон [см.: РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 1019, л. 2–3].

2.2. Голубовский собор в 1724/1725 гг.

Однако примирение было недолгим, и спустя два-три года, в 1724/1725 гг., в соседней дер. Голубово (ныне Себежский район Псковской области) был проведен очередной собор, посвященный формулировке заключительной строки богослужебного текста Многолетствия. Новая полемика не только не примирила противоборствующие стороны, но и способствовала возобновлению споров о “лицах и образах”, о чем, в частности, свидетельствуют новонайденные документы о соборах на мызе Окра.

К сожалению, тексты деяний соборов в Яблонце и Голубове не сохранились, а подробности их проведения известны лишь по более поздним пересказам их участников, подробнее об этом (со ссылками на рукописные источники) см.: [Мальцев 2006, 86–88].

2.3. Соборы на мызе Окра в 1729–1730 гг.

Споры о “лицах и образах” были продолжены в 1729–1730 гг. на двух собраниях (или заседаниях) на территории Курляндии на мызе Окра (около одноименного озера Окра, ныне Дагдский край Латвии). В отличие от предыдущих соборов, о которых известно лишь по позднейшим пересказам, события в Окре описаны их очевидцами, видимо, по горячим следам.

Первое заседание состоялось в дер. Протириха (латыш. *Protiriha*) 6–8 октября 1729 г.⁵ Краткая заметка об этом событии, написанная одним из оппонентов Евстрата, читается в составе следственных документов, хранящихся в РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 780, л. 240 об. Согласно этому документу, спор в тот раз закончился победой противников Евстрата.

Спустя несколько месяцев, 16 января 1730 г., на мызе Окра спорщики собрались раз еще. Подробности этого собора известны по протокольному рассказу Савина Михеева, участника собора и главного оппонента Евстрата в полемике о “лицах и образах” Святой Троицы, написанному, видимо, вскоре после заседания⁶. Поводом для нового собрания стало письмо о примирении Терентия Васильева, одного из сторонников Евстрата, к Савину Михееву. Условий примирения в своем рассказе Савин Михеев не сообщал, однако, как следует из дальнейшего изложения, примирение должно было состояться лишь при условии,

если Савин Михеев и его последователи признают правоту Евстрата. Однако примирение не состоялось, поскольку, по словам Евстрата, “в нем нужды нет”, а на продолжение собора Савин его сторонники не пошли, поскольку их там “ругают и слов <...> дельных не принимают” [РГБ, собр. Е.В. Барсова, № 1198, л. 1]. Документы, повествующие о федосеевских собраниях на мызе Окра, готовятся к печати.

Сведения о соборах в районе озера Окра интересны не только с точки зрения развития внутрифедосеевской полемики, но и для уточнения истории старообрядческих поселений в Латгалии. Так, до настоящего времени о старовеерах на этих землях было известно лишь в связи со второй ветковской “выгонкой” 1764 г. [Заварина 1986, 21–22]. Наши данные позволяют говорить о старообрядческом населении в окрестностях Окры, как минимум, с конца 1720-х гг.

2.4. Собор в дер. Ступелишки в 1735 г.

Споры Евстрата Феодосиева и его сторонников с Савином Михеевым и другими оппонентами о “лицах и образах” Святой Троицы официально закончились 24 марта 1735 г. на федосеевском соборе в Ступелишках. Главным вопросом на этом соборе было изложение исповедания веры и религиозных убеждений Евстрата. Поводом для созыва собора, видимо, послужило признание Евстратом своих прежних заблуждений в вопросе толкования “лиц и образов” Святой Троицы, а также исправлении некоторых других религиозных текстов и книг и раскаяние в содеянном. На соборе Евстрат изложил свое исповедание веры, публично покаялся и просил “всех православных христиан” простить его “грубаго, грешнаго, всех опечаливащаго” и быть милостивыми к нему, если он когда и сделал из-за “своего скудоумия в делах и словесех <...> согрешение Святыя Троицы ради” [Попов 1864, 9]. В соборном документе сказано, что публичное покаяние Евстрата Феодосиевича “от всех христиан, яко грамотных, тако и простых, похвалено бысть”. Источники не указывают, сколько человек участвовало на соборе в Ступелишках, однако можно предположить, что в числе участников собора в первую очередь должны были присутствовать бывшие оппоненты Евстрата (т.е. сторонники Савина Михеева).

В самих Ступелишках старообрядческого храма, видимо, никогда не было, а участники собора заседали в одном из частных старообрядческих домов, что в то время было обычной практикой. Важно отметить, что Ступелишки находятся сравнительно недалеко от места проведения предыдущих собраний — приблизительно в 20–25 км западнее от дер. Протириха, где пятью годами раньше обсуждались все те же заблуж-

дения Евстрата Феодосиева. В любом случае, организация нескольких соборов в течение столь краткого промежутка времени должна свидетельствовать о наличии на данной территории как многочисленного и интеллектуально активного старообрядческого населения, так и благоприятной внешней обстановки для проведения подобных встреч.

2.5. Давыдовский собор 1739 г.

Некоторым промежуточным итогом многолетней интенсивной полемики по вопросам брака и отношения к староженам и новоженам следует считать проведение церковного собора в 1739 г. в дер. Давыдово, хотя официально он был созван из-за нестроений в федосеевском обществе и случаев незаконного сожительства мужчин и женщин, вызывавшего смущение у благочестивой братии. Этот собор также практически не упоминается в историографии⁷ — его, безусловно, затмил организованный 12 годами позже знаменитый Польский собор 1751 г. В работе собора приняли участие и его постановления подписали такие видные федосеевские наставники (и недавние идеологические противники) из Речи Посполитой и России, как Терентий Васильев, Игнатий Трофимов, Савин Михеев, Федор Федоров, Иван Иванов (Бедра), Евстрат Феодосиев (в документе он подписался как Фаддей Дионисиев, т.е. указал свое крестильное имя) и др., — всего 13 человек. Часть из них впоследствии примет участие в Польском соборе 1751 г. Собор закрепил (по сути — повторил) постановления Новгородского собора 1694 г. об отношении к новоженам и незаконному сожительству мужчин и женщин и подтвердил учение ранних федосеевцев о староженческих браках: “А прочее все творити нам, как у прежних отцев и стададьцев в письме изложено” [Смирнов 1911, 470]. Текст деяний Давыдовского собора известен лишь в составе федосеевского сборника *Отеческие заветания*⁸; он опубликован П.С. Смирновым [1911] по списку Владимирской духовной семинарии, № 75⁹. Как отдельное сочинение постановления Давыдовского собора 1739 г. в старообрядческой традиции, кажется, не представлены.

2.6. Польский собор 1751 г.

Логическим завершением внешней и внутренней полемики польских федосеевцев стало проведение Польского собора 1751 г., на котором был принят так называемый Польский устав, на многие десятилетия определивший нормы религиозно-нравственной и бытовой жизни федосеевского сообщества, его внутреннего устройства, управления и дисциплины¹⁰.

Польским уставом (или Польскими статьями) принято называть постановления федосеевского собора, бывшего “осьмая тысяща двести шестидесятаго года, месяца октября в 1-й день <...> (т.е. 1 октября 1751 г. — *Н.М.*) в Польше, во Обители” [Попов 1864, 11]. Устав впервые был напечатан А. Иоанновым (Журавлевым) в 1794 г. в *Полном историческом известии о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях, собранных из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем*¹¹ [Иоаннов 1794], а спустя более полувека повторно издан Н.И. Поповым по другому списку [Попов 1864, 10–21]¹².

Текст Польского устава, в отличие от деяний других соборов, активно использовался в исследованиях XIX в., посвященных внутренней полемике беспоповцев по вопросам брака, моления за царя, Пилатовой титле, отношению к новоженам (т.е. вступившим в брак после присоединения к старообрядчеству) и др., а также часто цитировался в работах по истории федосеевского толка (см. работы П.Д. Иустинова, П.С. Смирнова, Н.И. Субботина и др.). Последний по времени обстоятельный анализ этого сочинения представлен в монографии Г.В. Поташенко [2006, 414–423]; в ней анализируется религиозный и исторический контекст принятия этих соборных постановлений, а также постоянно обсуждается их содержание. Там же повторно опубликован текст из издания Н.И. Попова [466–470].

Несмотря на многолетнюю историю изучения, многие обстоятельства проведения Польского собора не выяснены до сих пор. Насколько известно, рукописная традиция этого памятника, его бытование в старообрядческой книжности и рукописное литературное “окружение” (т.е. круг тесно связанных с ним текстов) также не были предметом специального исследования, хотя обращение к печатным и электронным каталогам старообрядческих рукописей показало значительное количество списков, представленных в разных книжных коллекциях, а наличие двух печатных изданий способствовало появлению вторичной рукописной традиции памятника во второй половине XIX–первой половине XX вв. Сопоставление разных списков Польского устава показывает, что текст статей не так стабилен, как это обычно принято считать. Отмечается сокращение / расширение текста, перегруппировка статей и, соответственно, изменения в их нумерации, добавление ссылок на источники церковного права и др. авторитетные тексты и т.д., кроме того, разнятся списки подписавших соборные постановления духовных отцов¹³.

В исторической литературе нет единого мнения по поводу того, где и когда состоялся Польский собор, хотя дата проведения собора указана в соборных деяниях точно — 1 октября 7260 г., что при пересчете

на современное летоисчисление означает 1 октября (по старому стилю) 1751 г.¹⁴ Одни исследователи полагают, что Польский собор 1751 г. (или 1752 г.) проходил предположительно недалеко от дер. Колпино Себежского уезда¹⁵, в местности, которая называлась Обителью [Волков 1866, 48–49; Сементовский 1872, 19; Иустинов 1910, 92–94; Никонов 2008, 130–131; и др.]. Другая группа ученых считает, что собор проходил на территории Литвы в дер. Гудишки (ныне Игналинский район) [Iwaniec 1977, 185; Подмазов 1993, 167; 1998, 119; Jaroszewicz-Pieresławcew 1995, 18; Горбацкий 2004, 78; Потащенко 2006, 414–423; и др.].

Как уже указывалось, в преамбуле к постановлениям собора указывается, что “общее собрание” федосеевских отцов состоялось “в Польше, в обители” [Попов 1864, 11]. Что имел в виду составитель деяний под формулировкой *в Польше, в обители*, до сих пор остается неясным. Означает ли слово *обитель* просто тип поселения, т.е. некое общежитие, или все же *Обитель* — это имя собственное и тогда речь идет о конкретном населенном пункте? Ни одно из предложенных толкований не решает проблемы по существу: во-первых, в середине XVIII в. на территории Речи Посполитой было несколько старообрядческих обителей-монастырей (или, точнее, скитов), и без привлечения дополнительных сведений идентифицировать нужную нам обитель не представляется возможным; во-вторых, на той же территории известно несколько населенных пунктов с названием Обитель. Деревни с таким названием учтены в *Списке населенных мест Витебской губернии* (Витебск, 1906): это фольварк и деревня Обитель в Себежском уезде [Список 1906, 387], деревня Обитель в Невельском уезде [там же, 286], мельница Обитель в Режицком уезде [там же, 336]. Доподлинно известно, что по меньшей мере два из них были старообрядческими (по одному на территории совр. Себежского и Новосокольнического районов Псковской области¹⁶; в интересующий нас период эти земли принадлежали Речи Посполитой и входили в состав Полоцкого и Витебского воеводств). Невельская Обитель, более известная как Русановская обитель (1699–1708), — это вообще первое федосеевское общежитие на территории Речи Посполитой, основанное еще Феодосием Васильевым [см.: Кожурин 2011, 4]. Еще одна Обитель находилась на берегу одноименного озера Обитель (латыш. *Abiteļu ezers*) в Курляндии, в непосредственной близости от старообрядческих поселений. По имеющимся данным, курляндская Обитель и построенная при ней церковь были, скорее всего, униатскими [см., напр.: Сахаров 1939, 162].

Польский собор часто упоминается в старообрядческих сочинениях XIX–начала XX вв., посвященных полемике о браке и титуле Пилато-

вой, и в качестве места его проведения обычно указываются: *польские пределы*, *польская обитель* или просто *Польша*. Очевидно, собор был настолько известным, авторитетным и важным, что, во-первых, не было необходимости уточнять, о котором именно польском соборе идет речь (только в первой половине XVIII в. их было по меньшей мере шесть), во-вторых, видимо, не было нужды уточнять место его проведения, так как его все знали, или же, в-третьих, он действительно проходил в деревне под названием Обитель, на что в 1836 г. прямо указали злынковские старцы в сочинении *Обличение и увещание к нынешнему последнему роду своевольному и непостоянному в вере Христовой* [см., напр.: РКСО, Пудревское собр. № 29, вторая половина XIX в., л. 60 об.; подробнее об этом: Морозова 2013].

В пользу Себежской версии проведения собора свидетельствует также тот факт, что к югу от Колпино в XVIII–XIX вв. находилось скопление старообрядческих деревень, а в первой половине XVIII в., как мы уже видели, там было проведено несколько федосеевских соборов: в дер. Яблонец в 1721/1722 гг., в дер. Голубово в 1724/1725 гг. и в дер. Давыдово в 1739 г., имеются некоторые отрывочные сведения о соборе в Давыдово в 1729 г. Все указанные населенные пункты находятся в непосредственной близости друг от друга и от интересующей нас Обители. Вполне логично, что и очередной собор мог проходить в той же местности, поскольку, видимо, в первой половине XVIII в. это был значительный старообрядческий центр на территории Речи Посполитой.

Польский устав сохранился в значительном количестве списков последней трети XVIII–первой половины XX вв.; в настоящее время готовится новое критическое издание текста этого памятника. Как указывалось выше, некоторые исследователи приписывают авторство соборных статей Евстрату Феодосиеву.

2.7. Гудишский собор 1757 г.

Хорошо известно, что федосеевцы строго осуждали выговцев за введение “царского богомолия”, но, тем не менее, примерно с середины XVIII в. сами внутри согласия начали спорить о том, можно и нужно ли молиться за царскую власть или нет. Одно из наиболее ранних свидетельств внутрифедосеевской полемики по данному вопросу — собор 1757 г. в дер. Гудишки. Подробности проведения собора изложены в сочинении *Польских отец разсуждение о молении за властей*, помещенном в федосеевском сборнике начала XIX в. [РНБ, собр. П.П. Вяземского, Q.XVIII, л. 29 об.–30], а также рукописи *Книга польских отец о царском молении и разумение* из собр. Ф.Ф. Мазурина [РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 951].

Формальным поводом к проведению собора стало посещение командующим русской армией графом З.Г. Чернышевым Гудишкской (“польской”) обители и его просьба о молении за победу российского войска в Семилетней войне. По свидетельству старца Нифонта¹⁷, очевидца этого события, мнения обительской братии по данному вопросу разделились: “некия из них говорили, что неотменно нада нам за победу руских сил Бога молить. <...> А другия из них напротиву тех представляли, что хотя де и прилично нам за рускаго государя Бога молить, понеже и мы россияне, но для того не можно, что мы теперь не в его державе находимся”. Тем не менее, “в тогдашнее время оныя отцы о победе рускаго войска по прошению графа Чернышева верно моление к Богу приносили”. Далее автор сообщал, что на следующий год часть федосеевцев, высказавшихся за “царское богомолие”, во главе с Феодулом Дмитриевым переселилась в стародубские пределы и установила в новосозданной обители практику моления за царя [РНБ, собр. П.П. Вяземского, Q.XVIII, л. 29 об.–30; см. также: РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 951].

О “соборе обители польской АЧНЗ (1757) года” и принятии частью федосеевцев во главе с Феодулом Дмитриевым моления за государя говорится и в поморском сочинении первой трети XIX в. *О молении за высочайшую всероссийскую монаршую власть* [см.: РНБ, Q.I.1072, л. 90–90 об.; подробнее о соборе см.: Гурьянова 1988, 86; Мальцев 2006, 125; Потащенко 2006, 413–414].

В цитируемом выше сочинении место проведения собора определяется как “польская обитель” (т.е. так же, как и в случае с Польским собором 1751 г.). Однако данные других источников о разорении польской Гудишкской и происхождении Злынковской Норско-Покровской обителей позволяют утверждать, что местом организации собора о “царском богомолии” была именно дер. Гудишки.

Информация о Гудишском соборе 1757 г. известна в более позднем изложении (начала XIX в.) бывшего гудишского насельника, а впоследствии стародубского инок Нифонта (в миру Ивана Васильева); полностью сочинение *Польских отец разсуждение о молении за властей* не публиковалось.

Таким образом, представленный выше обзор оригинального творчества староверов-беспоповцев Речи Посполитой XVIII в. позволяет говорить о постепенном расширении круга старообрядческих поселений, вовлеченных в активную полемическую и литературную деятельность. Начальный этап развития оригинального творчества польских федосеевцев прочно связан с Русановской обителью и его основателем

Феодосием Васильевым. В последующие годы книжно-полемическая география становится более широкой: в нее постепенно включают себяжские земли, затем Курляндия и, наконец, Литва. Наибольшая интеллектуальная активность приходится на вторую треть XVIII в. и связана в первую очередь с Себежскими землями. Как оказалось, в настоящее время у нас нет точных данных об участии польских федосеевцев в дальнейшей старообрядческой полемике, а также проведении церковных соборов после Гудишского собрания о “царском богомолии” 1757 г. Как и предполагалось, наиболее активными деятелями первой половины XVIII в. являются выходцы из Ряпинской обители Евстрат Феодосиев, Савин Михеев, Игнатий Трофимов и некоторые др. Безусловно, дальнейшие разыскания в этой области расширят наши представления о творчестве балтийских староверов XVIII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург
 РГБ — Российская государственная библиотека, Москва
 РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
 РКСО — Резекненская Кладбищенская старообрядческая община, Резекне

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые рукописи перечислены в статье А.А. Романовой [2004].

² В тексте *Исповедания веры* Евстрата Феодосиева, произнесенного на этом соборе, местность ошибочно названа Ступилишки, а не Ступелишки, как должно быть, поэтому точное место проведения собора до настоящего времени не было четко локализовано. Дер. Старые Ступелишки сохранилась в Латгалии до сих пор.

³ По договору о Вечном мире между Речью Посполитой и Российским государством 1686 г. себежские и невельские земли отошли к Речи Посполитой.

⁴ Подробнее об этой полемике см., напр.: [Мальцев 2006, 74–92].

⁵ Информация об этом соборе вводится в научный оборот впервые.

⁶ Впервые об этом документе и, соответственно, о самом заседании сообщил А.И. Мальцев, однако он не смог точно указать место проведения собора [Мальцев 2006, 84, 521, № 165].

⁷ Краткую информацию о соборе см. в: [Иустинов 1910, 692], анализ обстоятельств проведения и текст соборных постановлений в: [Смирнов 1911, 465–470], см. также небольшой комментарий А.И. Мальцева [2006, 80].

⁸ Первая редакция *Отчестских заветаний* была составлена Иваном Алексеевым в 1805 г., подробнее о сборнике см.: [Мальцев 2005].

⁹ Фотокопия рукописи хранится в БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 701. Сама рукопись не сохранилась.

¹⁰ Следует отметить, что многие современные бытовые запреты, фиксируемые во время фольклорно-этнографических и диалектологических экспедиций к русским староверам, восходят к правилам Польского устава.

¹¹ Исправленный и дополненный, под несколько видоизмененным названием — *Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. Собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святаго Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым*, этот труд неоднократно переиздавался в конце XVIII–XIX вв.

¹² Текст соборных постановлений по изданию Н.И. Попова опубликован также Ф.В. Ливановым в третьем томе его очерков *Раскольники и острожники* [Ливанов 1872, 44–48].

¹³ Текстологии Польских статей в ближайшем будущем будет посвящена отдельная работа.

¹⁴ Иногда в литературе указывается, что собор проходил не в 1751, а в 1752 г. [см., напр.: Волков 1866, 48; Нильский 1869, 164; Сементовский 1872, 19; Ивановский 1892, 94; Потащенко 2005б, 301; 2006, 414–423; Никонов 2008, 130; и др.]. Путаница с датой, видимо, произошла из-за неправильного пересчета года *от сотворения мира* в летоисчисление *от рождества Христова*: если от указанной даты 7260 просто вычесть 5508 и не делать поправку на разницу в начале церковного и гражданского нового года, то действительно получается 1752 г., а не 1751, как должно быть.

¹⁵ Путаница с местом проведения собора способствовала появлению мифов и двойников в старообрядческой научно-популярной и научной литературе. Так, в результате не критического отношения к источникам в словаре С.Г. Вургафта и И.А. Ушакова *Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы* (Москва, 1996) кроме статьи, посвященной Польскому собору, правда, с датой — 1752 г. [228], имеется статья “Колпинское собрание” с датировкой — 1.10.1751 [там же, 147–148], при этом совершенно очевидно, что речь идет об одном и том же событии. Кроме того, в словаре помещена краткая статья о И.И. Соболяшникове, который в 1785 г. составил рукописный сборник, “в котором, в частности, повествовалось о Колпинском собрании” [там же, 262]. Видимо, авторы словаря не соотнесли данные В.И. Волкова и сведения Н.И. Попова (или еще кого-то из тех исследователей XIX в., которые не пытались локализовать место проведения собора), и информация о *Колпинском собрании* из словаря проникла в научную литературу, см., напр.: [Горбацкий 2004, 207].

¹⁶ Себежская и невеликая Обители по каким-то причинам не обозначены на картах Генерального межевания Витебской губернии 1780–1790 гг., однако указаны на военно-топографических картах Витебской губернии XIX в. По устным сведениям К.Я. Кожурина (Санкт-Петербург), указанные деревни существовали вплоть до начала Второй мировой войны.

¹⁷ До настоящего времени рассказ о посещении Гудишской обители графом Чернышевым считался анонимным, имя рассказчика указано в обнаруженной мною в РГАДА рукописи *Книга польских отец о царском молении и разуме* [РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 951, л. 3 об.].

ЛИТЕРАТУРА

- Бычков И.А., 1893: *Каталог собрания славяно-русских рукописей П.Д. Богданова*, вып. 2. Санкт-Петербург.
- Волков В., 1866: *Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии*. Витебск.
- Вургафт С.Г., Ушаков И.А., 1996: *Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы*. Опыт энциклопедического словаря. Москва.
- Горбачкий А.А., 2004: *Старообрядчество на белорусских землях*. Брест.
- Гурьянова Н.С., 1988: *Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма*. Новосибирск.
- Дружинин В.Г., 1908: "Священноиерей" Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним (К истории полемики между старообрядцами в начале XVIII века), *Христианское чтение*, 5. 730–762.
- Дружинин В.Г., 1912: *Писания русских старообрядцев*. Санкт-Петербург.
- Заварина А.А., 1986: *Русское население восточной Латвии во второй половине XIX–начале XX века*. Рига.
- Ивановский Н., 1892: *Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических*. Казань.
- Иоаннов (Журавлев) А., 1794: *Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святаго Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым, и на три части разделенное*. Санкт-Петербург.
- Иустинов П., 1910: К истории федосеевского толка, *Богословский вестник*, 3(12), 680–694 (второго счета).
- Кожурин К.Я., 2011: *Староверы Псковского поозерья*: Пустошкинский район. Москва.
- Ливанов Ф.В., 1872: *Раскольники и острожники*. Очерки и рассказы, т. 3. Санкт-Петербург.
- Нильский И., 1869: *Семейная жизнь в русском расколе*. Исторический очерк раскольнического учения о браке, вып. 1: *От начала раскола до царствования императора Николая I*. Санкт-Петербург.
- Мальцев А.И., 2005: К истории создания федосеевского сборника постоянного состава «Отеческие завещания», in *Старообрядчество: история, культура, современность*. Материалы, т. 2. Москва, 134–141.
- Мальцев А.И., 2006: *Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII–начале XIX вв.* Новосибирск.
- Морозова Н.А., 2009: *Книжность староверов Эстонии*. Тарту.
- Морозова Н.А., 2013: *Польский собор 1751 г. в старообрядческой рукописной традиции*. (В печати).
- Никонов В., 2008: *Староверие Латгалии*. Очерки по истории староверческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII–1-я половина XX). Резекне.

- Павел (Любопытный), 1866: *Исторический словарь и Каталог или библиотека староверческой церкви*. Сочинение Павла Онуфриевича Любопытного (1828–1829). Издание Н.И. Попова. Приложение ко второму тому *Сборника для истории старообрядчества*. Москва.
- Подмазов А.А., 1993: Старообрядчество в Балтийском регионе. Первое столетие истории, in *Religija. Vesture. Dzive. Religiska dzive Latvija*. Rīga, 152–173.
- Подмазов А.А., 1998: Ранняя федосеевщина в Прибалтике и ее исторические судьбы, in *Старообрядчество: история, культура, современность*. Материалы 4-ой научно-практической конференции, проходившей 14–15 мая 1998 г. в Москве. Москва, 117–119.
- Понырко Н.В., 2004: Феодосий Васильев, in *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3: XVII в., ч. 4: Т–Я. Дополнения. Санкт-Петербург, 142–146.
- Попов Н., 1864: *Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым*, т. 1. Москва.
- Попов Н., 1869: Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, кн. 2. Москва, 1–174 (пятого счета).
- Поташенко Г., 2005а: Васильевы, in В. Барановский, Г. Поташенко, *Староверие Балтии и Польши*: краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 58–64.
- Поташенко Г., 2005б: Польский устав, in В. Барановский, Г. Поташенко, *Староверие Балтии и Польши*: краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 301–303.
- Поташенко Г., 2006: *Староверие в Литве: вторая половина XVII–начало XIX вв.* Исследования, документы и материалы. Vilnius.
- Романова А.А., 2004: Евстрат Федосеев, in *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3: XVII в., ч. 4: Т–Я. Дополнения. Санкт-Петербург, 360–362.
- Сахаров С.П., 1939: *Православные церкви в Латгалии* (Историко-статистическое описание). Рига.
- Сементовский А., 1872: *Этнографический обзор Витебской губернии*. Санкт-Петербург.
- Смирнов П.С., 1908: *Из истории раскола первой половины XVIII века*. Санкт-Петербург.
- Смирнов П.С., 1909: *Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века*. Санкт-Петербург.
- Смирнов П.С., 1911: Споры в расколе во второй четверти XVIII века, *Христианское чтение*, 4, 451–490.
- Список населенных мест Витебской губернии*. Витебск, 1906.
- Iwaniec E., 1977: *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich*. Warszawa.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z., 1995: *Starowiercy w Polsce i ich księgi*. Olsztyn.
- Laucevičius E., 1967: *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.*, t. 1–2. Vilnius.

NADEZHDA MOROZOVA

**Writings of priestless Old Believers
in Polish–Lithuanian Commonwealth of the 18th century**

The article deals with the evaluation of creative works by priestless Old Believers residing in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 18th century. The study gives a special emphasis to the two main issues, i.e. 1) creative work of Feodosiy Vasilyev and his son Evstrat Feodosiyev (Feodosiyevich) and 2) the texts on activities of the Feodoseevtsy Council meetings that took place in the Polish–Lithuanian Commonwealth in the first half through the middle of the 18th century.

The evaluation of the original creative work of priestless Old Believers of the Polish–Lithuanian Commonwealth specified in the article enables to conclude about the gradual expansion of the territories in which settlements of Old Believers appeared and the residents of which would be involved in active polemic and literary activities. The second third of the 18th century is characterized by the highest intellectual activity that would primarily be attributed to the inhabitants of the Sebezh lands.

BRONISLAVA KERBELYTĖ

SLAVŲ FOLKLORAS

